

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ РАН



ИНФОРМАЦИОННЫЙ
Серия ВЫПУСК № 12 (1058)
«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ИСЭРТ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья А. Щипкова «Химеры «коллективной вины», опубликованная в «Литературной газете» № 5, 5-11 февраля 2014 года.

Вологда
февраль, 2014

Химеры «коллективной вины»

Один из главных мифов, связанных с войной, – понятие «коллективной вины». По мнению пропагандистов этого мифа, немецкое общество якобы такую вину признало и дружно покаялось в деяниях гитлеровского режима. Хотя мы помним – в своё время признание в Германии 8 мая «Днём освобождения» и попытка сделать этот день нерабочим вызвали резко негативную реакцию немцев.

Но отсутствие консенсуса в этом вопросе сегодня налицо. Отсюда и продолжение «спора историков», который формально закончился в 1987 году, но на деле продолжается. Так, одна из сторон (последователи профессора Эрнста Нольте) уверена, что гитлеризм стал реакцией на «азиатские преступления советского режима». Вот такое коллективное покаяние.

На тему «коллективной вины» на Западе и в России написано немало работ. Но многие из них ограничены рамками 1945–1990 гг. Неужели за четверть века не набралось интересного материала?

Набралось. Но дело в том, что в начале 90-х в продолжающемся споре историков произошёл перелом. В Германии стала побеждать идея «нормализации истории», то есть полный отказ от концепции исторической вины.

Несколько лет назад в среде левых публицистов появился любопытный материал – «Ошибка Штирлица». Это отчёт о конференции Фонда Фридриха Наумана. Там выяснилось много интересного. По свидетельству одного из участников, историка Норберта Фрая, большинство западных немцев и в 50-е годы считали, что «национал-социализм был хорошей идеей, которая только плохо реализовалась». А руководитель Московского бюро фонда Фальк

Бомсдорф в порыве откровенности признал, что среди немецкой молодёжи преобладает «патриотический, а отчасти и националистический подход» и он не знает, как к этому относиться.

Это похоже на признание «коллективной вины»?

Проблема в том, что широкой публике у нас и на Западе не положено знать о том, о чём говорят историки и политики во время встреч «без галстуков». Нам навязывают мнение, что в цивилизованном мире господствует толерантность. Однако так ли это?

Сын моих знакомых, проживающих в Германии, принёс из школы новость: на уроке истории ребяташкам рассказали, что Дрезден с его культурными сокровищами разбомбила... советская авиация. Мама и папа объяснили ребёнку, что авиация была англо-американская, но... В школе об этом лучше не говорить – неправильно поймут. Это к вопросу о свободе мнений и исторических фальсификациях, по поводу которых так много шума у нас.

Не возьмусь оценивать труд авторов «единого учебника», но, полагаю, даже им не пришлось бы в голову утверждать, что блокада Ленинграда осуществлялась силами англо-американского десанта.

И возникает вопрос: почему в политическом обиходе сохранилось понятие «коллективная вина»? Это же явный политический фантом!

А потому что «коллективная вина» очень удобна, потому что понятие это размыто и безразмерно. Оно не требует знания фактов и выводов на их основе. Нужны лишь горящие жертвенники – как в языческом обществе, где не знали морального смысла греха, но боялось прогневить богов.

Коллективную вину можно сделать настолько коллективной, что в числе виноватых окажутся жертвы. Так не это ли главная цель? Он украл или у него украли – какая разница! Раз влип в историю, значит, нехороший человек.

Заявления, путающие агрессора и жертву, мы слышим сегодня очень часто. Нам говорят, что русские жертвами не были, поскольку сами намеревались напасть на Третий рейх, но не успели. А Гитлер будто бы лишь нанёс превентивный удар. При этом забывают добавить, что план «Барбаросса» был разработан немцами сразу после разгрома Франции, и в декабре 1940 года его утвердил Гитлер.

Мы слышим утверждения, что «два тоталитарных режима были обречены на мировую войну». Значит, оба и виноваты. В этом случае предмет разговора превращается в чистую метафизику. Вместо вины конкретной возникает подобие фатальной вины из античных трагедий. Мол, оба прогневили богов демократии – обоим и отвечать. А раз так, то зачем было защищать Ленинград? Надо было сдать, и всё тут.

В этом случае можно не стесняясь говорить об «азиатских преступлениях», фантазировать на тему бомбёжек Дрездена и навязывать русским чувство «коллективной вины».

Внедрение в общественное сознание мифологии «коллективной вины» – опасный симптом. Он говорит о моральной деградации общества. Христианское моральное сознание предполагает, что человек точно знает, когда и в чём он переступил грань. Обратный случай – это уже не сознание вины, а комплекс вины. «Меня ругают, значит, я в чём-то виноват». Или, как говорят нерадивые сержанты, «Я каждого из вас могу посадить на гауптвахту, и каждый будет знать за что». Так выглядит чистейший аморализм.

Ещё швейцарский психолог Жан Пиаже писал, что формировать «комплекс вины» крайне опасно, так как он ведёт к инфантильному сознанию, и индивидуум останавливается в развитии. Этот закон применим и к психологии нации.

Сегодня существует уголовная ответственность за отрицание холокоста. Но разве 27 миллионов погибших россиян – меньшая трагедия?.. Нам следовало бы ввести уголовную ответственность за отрицание геноцида русского населения в годы войны. Что это был именно геноцид, доказать не составит труда. Такое решение было бы знаком уважения к защитникам нашей родины.

Но заметим: коллективной вины в отношении немцев этот шаг не предполагает. Виноват был правящий класс Германии, принявший нацистскую идеологию, чтобы оправдать свои колониальные захваты на Востоке.

Александр Щипков